

В 1976 году закончил международное отделение факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1976 по 1988 год работал в АПН, в 1988-1990 гг. был обозревателем, политическим обозревателем, а затем заместителем главного редактора еженедельника «Московские новости». В 1990 году создал и возглавил «Независимую газету». В настоящее время является главным редактором «НГ» и всех ее приложений.

Член Президиума неправительственной организации «Совет по внешней и оборонной политике России» и политического клуба «Клуб-93». Председатель жюри и Оргкомитета ежегодной литературной премии «Антибукер», учрежденной «НГ» в 1995 году. Секретарь Союза журналистов России. Вице-президент Международной конфедерации журналистских союзов. Профессор, заведующий кафедрой политической журналистики факультета прикладной политологии Высшей школы экономики – Государственного университета (г. Москва). Профессор журналистики международного университета (г. Москва).

Виталий ТРЕТЬЯКОВ:

**«Я НАЗЫВАЮ ЭТО
УПРАВЛЯЕМОЙ
ДЕМОКРАТИЕЙ»**

– **Виталий Товиевич! Можно любить Вашу газету, можно не любить, но одно для меня совершенно очевидно: «НГ» заняла свою особую, только ей присущую нишу, заметно отличаясь в лучшую сторону от многих других изданий, внося при этом заметный вклад в развитие не только современной, но и русской журналистики. Ее можно назвать и народной газетой, и газетой для интеллигенции. Это во-первых. А во-вторых, зная Ваши увлечения русской классической и мировой литературой, историей России, театром, коллекционированием художественных альбомов, невольно ловишь себя на мысли, что все это заложено и в структуру Вашего издания. Так ли это?**

– Каждому из нас присущи свои интересы. Вообще-то я не из гуманитарной семьи, но всегда много читал и делал это с большим удовольствием. Сейчас, естественно, книг у меня в несколько сот раз больше, чем раньше. Да и работа в журнально-газетной редакции АПН имела свою специфику. Хотел ты того или нет, но был обязан заниматься целым рядом тем: тут и политика была, и экономика, и спорт, и культура. Затем перешел в «Московские новости». А дальше просто повезло, то есть глобально повезло всем – перестройка, гласность. Мне же представился случай создать свою газету. Это удача. Так могло и не быть. Многим журналистам не повезло. Другое дело, что не все бы и сумели. Я стал составлять модель газеты так, как я это себе представлял и, действительно, заложил туда все, что мне интересно. Вот, скажем, спортом я уже давно не увлекаюсь. Поэтому мой друг, покойный академик Станислав Шаталин, который был большим поклонником спорта, страстным болельщиком «Спартак» и очень любил «НГ», при случае всегда напоминал мне: «В твоём издании все хорошо, Виталий, только вот спорта нет. Пока его не введешь, до конца дочитывать газету не буду».

Создавая «НГ», я все туда закладывал: книгоиздательство, например. Потому что это было мне интересно. И, надо сказать, что мы неплохие книги выпускаем. Отсюда родилась специальная книжная полоса, потом книжное приложение. Или другой пример. Я человек не военный. В русской истории армия как институт по традиции всегда находилась на переднем плане. Да и в нынешнем государстве мы прекрасно ощущаем, что такое слабая или, наобо-

рот, сильная армия. Так родилось «Независимое военное приложение».

В детстве я, как все мальчишки, коллекционировал все подряд, начиная с марок. Но страсть к коллекционированию, видно, осталась нереализованной. Я до сих пор иногда покупаю разные недорогие антикварные безделушки. Это расточительно и в общем-то, наверное, неправильно. Потому что чтобы серьезно заниматься антиквариатом, нужно иметь большие деньги. У меня таких денег нет. Зато мы завели «Коллекцию НГ» – совершенно необязательное для нас издание, но многим нравится.

– **Не могу не спросить Вас вот о чем: название у газеты «Независимая», независимая от чего, от кого, каким образом? И может ли в наше время пресса быть независимой, экономически в том числе? Я понимаю, что этот вопрос, образно выражаясь, навяз у Вас на зубах. И все-таки, если коротко...**

– Я мог бы рассказать вам об анкетировании, которое проводила наша газета по этому поводу. Наши читатели, безусловно, помнят эту публичную акцию, когда мы обратились к ним с вопросом: «Кому, как Вы считаете, принадлежит «Независимая газета»? Те, кому это интересно, могут взять подшивку «НГ» и подробно прочитать об этом. Я понимаю, что вы имели ввиду, задавая этот вопрос. Так вот, если коротко...

Да, с 1995 года газета финансируется структурами, созданными Б.Березовским, контролируемые им или принадлежащими ему когда-то. И то, что в нашей газете пишется, в частности, о Березовском, о тех политических структурах, которые он поддерживает, то уверяю вас, о нем говорится не более, чем о какой-либо другой персоне. В выборе темы, в подаче материала и, что самое главное, в редакционной политике по тому или иному вопросу мы являемся на сегодня самой независимой из существующих российских газет. Кто это видит собственными глазами, естественно, может составить свою точку зрения. Того, кто в это не верит, я разубеждать не собираюсь.

– **Скажите, Вам не кажется, что в последнее время журналистика, которую называют второй древнейшей профессией, постепенно превращается в первую? Не показала ли это со всей очевидностью прошлогодняя предвыборная кампания со своими информационными баталиями и войной компромата?**

– Нет, не кажется. Скорее уж на второе место надо поставить политику. И кандидатов было много, и телевизионных каналов, и газет хватало: одни хвалили, другие ругали, при этом поливали друг друга грязью, конкурировали, боролись. Но побеждает все равно тот, кого поддерживает значительная часть населения, потому что если бы она не поддерживала, то не помогли бы никакие методы.

Вся советская пресса в свое время работала против Ельцина, разоблачая его реальные и мнимые недостатки. Была война компромата против него в 1989 году? Была. В 1996 году была? Была. Ну и что же? Разве это помешало ему стать президентом?

Многие убеждены: что вот, мол, у нас в России все плохо, а на цивилизованном Западе все замечательно. Те люди, которые так считают, либо совсем не знают Запада, либо смотрят на него сквозь «розовые» очки. Жестко, жестоко, часто грязно ведется борьба за власть всюду. Я к тому, что все эти всхлипы о том, что мы пережили что-то ужасное, по меньшей мере, беспочвенны. Мы пережили нормальную политическую борьбу за власть на том этапе политического развития, который имели. Ничего экстравагантного, трагического не произошло. А сколько о всех фигурантах с помощью этой информационной войны мы открыли для себя правды, которой при других обстоятельствах не узнали бы никогда...

Я знаком с одним известным режиссером и более чем известным актером. Мы с ним обсуждали проблему театра. Да, из зрительного зала сцена прекрасна. Но упаси вас Бог зайти за кулисы. Реальную жизнь, которую, естественно, артисты не демонстрируют на широкой публике, увидишь только там, за кулисами. Так и публичные политики в большинстве своем хорошие актеры. Возьмите, к примеру, прошедшую в начале года в Большом театре церемонию награждения лауреатов независимой премии в области высших достижений литературы и искусства «Триумф». На ней присутствовал и Борис Ельцин с семьей, которого при появлении в Царской ложе зал приветствовал стоя. Аплодировали ему, как актеру, а не как президенту. В частности, за его актерский уход. Хотя, что касается замашек и манеры поведения, многое еще от нашего византизма идет.

Судя по всему, в последнее время демократическая модель трансформируется. Все достаточно очевидно, нужно только это реально оценивать.

Вот раньше говорили: большевики такие-сякие, они Учредительное Собрание разогнали. Просто оно оказалось не таким, на которое они рассчитывали, и у них там не было большинства. А в 91-м к власти пришли вроде бы не злые большевики, а умные, просвещенные люди. И что же? Что-нибудь поменялось? Избавились от всех уз, империя рухнула, выбрали свободный Верховный Совет. Приходит Ельцин, демократ по убеждениям, друг западной демократической цивилизации, но в парламенте нет большинства, опираясь на которое ты можешь проводить свою политику. И что делает Ельцин? Он не только распускает Верховный Совет, он его еще и расстреливает. Вся история человечества

В космическом центре

делалась революциями, восстаниями, государственными переворотами, и только в какие-то промежутки были стабильные периоды.

Мы вступили в перестройку с устаревшими понятиями о Западе, о демократии. Давно сказано, что все крупнейшие состояния в первоначальной стадии нажиты несправедливым трудом. Как раньше на Западе делили собственность? Ножом и пистолетом, сейчас автоматом. Вы знаете другой способ? А когда все это появилось у нас, тут же раздались крики: «Нас обманывают. Такого на Западе быть не может, там все хорошо, а нам что-то плохое подсовывают». Что просили, то и дали. Не специально же изобрели ка-

питализм для России. Положите кучу золота на тротуар где-нибудь в Нью-Йорке и уберите полицейских за квартал, а потом увидите как поведут себя люди вокруг этой кучи. А тут шестая часть земных богатств: золото, платина, нефть была просто положена и сказано: «Что хотите, то и делайте». Вот и началось...

Я уже говорил, что мы вошли в ряд демократических государств в момент фундаментальной трансформации демократической модели. Я не философ, не историк и не отношу себя к числу тех людей, которые считают, что журналистика может дать ответы на все вопросы. Мы печатаем левых, правых, центристов с их мировоззренческими и философскими взглядами. А что касается моих личных воззрений, то я сторонник той теории, что лучше демократии, хороша она или плоха, на сегодняшний день ничего не придумано. Без нее еще хуже.

– **А диктатура нам не грозит?**

– Диктатура? Ее можно установить, но нельзя удержать. День, два, три – дальше все развалится с еще худшими последствиями. А то, во что мы сейчас вступили, я называю управляемой демократией.

– **Имеет ли парламент какое-либо отношение к гражданскому обществу, которое мы стараемся у себя построить?**

– Нет, это два разных явления. Гражданское общество, действительно, может быть даже при тоталитаризме, хотя и в свернутом виде. А когда снимаешь эту тоталитарную скорлупу, то куколка раскрывается. Но при демократии, которая у нас сегодня есть, может не быть, а точнее – не быть гражданского общества, что мы и имеем.

Что же такое гражданское общество? Не научное определение – это люди, проживающие на определенной

территории под названием «страна», которые не замечают, кто сидит в Кремле. Им все равно, поменяли Примакова на Степашина или Степашина на Примакова. Их просто это не волнует, их жизнь все равно идет нормально. Если возникает военная угроза, опасность агрессии по отношению к этой стране, то гражданское общество не может само себя защитить. И тогда уже важен премьер-министр, правительство, президент, армия, то есть гражданское общество – это то, что структурирует обычную жизнь обычных и необычных людей безо всякого вмешательства государства: без обращения в суд, без писания челобитных в Кремль, без голосования за ту или иную партию. То, что у нас этого нет, это понятно. Почему нет – это другой вопрос.

Я утверждаю, что в советское время элементы гражданского общества у нас были достаточно сильны. Не случайно в Советском Союзе маленький человек был больше защищен от Батыя, потому что Батый тогда назначался сверху и на него можно было пожаловаться старшему Батыю. Была номенклатура, и было все расписано. Единственное, что приближает нас к гражданскому обществу сегодня, – это судебная система, когда теоретически ты можешь обжаловать все и доказать правду, или более или менее свободные СМИ.

– **Виталий Товиевич, большое спасибо Вам за беседу, она была очень содержательной. К сожалению, не все из того, о чем мы говорили, из-за ограниченной журнальной площади войдет в окончательный текст. Но давайте рассматривать это обстоятельство как повод для повторной встречи, читатель от этого только выиграет.**

Анатолий МАЛЮГИН

С женой Ольгой на новогоднем вечере